

Изучение ассирийской диаспоры Центральной России на примере сообществ городов Рязанской области

DOI 10.31483/r-97795

УДК 39

Михайлов С.С.Музей истории и культуры старообрядчества,
Москва, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0001-5541-425X>, e-mail: mesherdkray@mail.ru

Резюме: История ассирийцев, обосновавшихся на территории России, – важная и малоизученная тема. Цель статьи – познакомить читателей и научную общественность с результатами исследования ассирийской диаспоры Рязанского региона. Были изучены локальные ассирийские сообщества, сформировавшиеся в 1920–1930-х гг. Рязанского региона России. Применение методов полевого исследования позволило нам выявить, что в Рязани в XX столетии возникло два маленьких ассирийских некрополя – на исторических Лазаревском и Скорбященском кладбищах. Автором были осмотрены местные захоронения, сохранившиеся на 2019–2020 годы. Рязанский ассирийский некрополь не отличается от мест компактного погребения представителей этого народа в других городах, которые осмотрены автором. Тем не менее он весьма важен для изучения этой диаспоры. Результаты исследования показали, что ассирийский народ подразделялся к началу XX в. на два десятка субэтносов (племен), представители некоторых племенных и сельских групп создавали диаспоры. Касательно Рязани это, большей частью, выходцы из независимой («аширетной») области Джилу (племя джилвая), маликства Джилу Горта (Большая Джилу), из сел Алсан (локальная группа аласная), Зирини (зерная), Миди (медная). В России оказалось достаточно небольшое число семейств беженцев – выходцев из аширетного независимого маликства – Тхума (племя тхумная), а также выходцев из небольшого селения Швава, жители которого составляли небольшую группу шаветная. В последнем случае мы установили название рода – отжах, к которому относилась семья – Би-Сулу. Рязанские тхумная, судя по тому, что мы знаем об их соплеменниках в соседних Москве, Туле, а также в Грузии, скорее всего, были выходцами из села Мязря (группа мазерная). В работе приводятся факты истории маленьких ассирийских сообществ других городов Рязанской области – Касимов, Рязжск и Михайлов. Основное профессиональное занятие представителей ассирийских сообществ в 1920–1970-х годах – чистка обуви. Сделан вывод о том, что ассирийцы, несмотря на малую численность диаспоры, играли важную роль в городской культуре Рязани XX века. В дальнейшем мы намерены расширить источниковую базу исследования и продолжить изучать различные аспекты жизни ассирийцев в России.

Ключевые слова: ассирийцы, диаспора, Рязань, Рязанская область, Рязжск, Касимов, Михайлов, некрополь.

Для цитирования: Михайлов С.С. Изучение ассирийской диаспоры Центральной России на примере сообществ городов Рязанской области // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №1. – С. 41-47. DOI:10.31483/r-97795.

The Research of the Assyrian Diaspora in Central Russia on the Example of the Communities of the Ryazan Region Cities

Sergei S. MikhailovMuseum of the History and Culture of the Old Believers,
Moscow, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-5541-425X> e-mail: mesherdkray@mail.ru

Abstract: The article attempts to reconstruct the image of a witch based on the interrogation records of those accused of witchcraft during the history of the Assyrians who settled on the territory of Russia is an important and understudied topic. The purpose of the article is to acquaint readers and the scientific community with the results of the study of the Assyrian diaspora in the Ryazan region. The local Assyrian communities formed in the 1920s-1930s were studied. Ryazan region of Russia. Using the methods of field research, we find out that in Ryazan in the twentieth century, two small Assyrian necropolises arose – at the historical Lazarevskoye and Skorbyashensky cemeteries. The author inspected the graves preserved for 2019–2020. The Ryazan Assyrian necropolis does not differ from the places of compact burials of representatives of this people in other cities, which were examined by the author. Nevertheless, it is very important for the study of this diaspora. The results of the study showed that the Assyrian people were subdivided by the beginning of the twentieth century. for two dozen subethnos (tribes), representatives of some tribal and groups created diasporas. Regarding Ryazan, this is a large part, natives of the independent («ashiret») region of Djilu (the Jilvai tribe), the Maliks of Djilu Gorta (Big Djilu), from the villages of Alsan (local group of alasnaya), Zirini (grain), Midi (copper). A rather small number of families turned out to be in Russia – natives of the Ashiret independent Maliks – Thuma (the Thumnaya tribe), as well as natives of the small village of Shvava, whose inhabitants make up a small group of Shavetnaya. In the latter case, we have established the name of the genus-otzhah. Ryazan thumnaya, judging by what we know about their fellow tribesmen in neighboring Moscow, Tula, as well as in Georgia, most likely came from the village of Myazrya (maser group). The paper presents facts of the history of small Assyrian communities in other cities of the Ryazan region – Kasimov, Ryazhsk and Mikhailov. The main professional occupation of the representatives of the Assyrian communities in the 1920–1970s was shoe cleaning. It is concluded that the Assyrians, despite the small number of the diaspora, played a role in the urban culture of Ryazan in the twentieth century. In the future, we intend to expand the resources of the research base and continue to study various aspects of the life of the Assyrians in Russia.

Keywords: assyrians, diaspora, Ryazan, Ryazan region, Ryazhsk, Kasimov, Mikhailov, necropolis.

For citation: Mikhailov S.S. (2021). The Research of the Assyrian Diaspora in Central Russia on the Example of the Communities of the Ryazan Region Cities. *Ethnicheskaya Cultura = Ethnic Culture*, 3(1). 41-47. (In Russ.) DOI:10.31483/r-97795.

Введение

На территории России проживает большое число этнических сообществ, как коренных, так и диаспор, которые в разное время переселялись на нашу территорию. Некоторые народы исследованы достаточно хорошо, им посвящено большое число публикаций, включая монографии. Другие народы, большей частью имеющие свои корни за пределами нашей страны, до сих пор представляют собой «белые пятна», хотя на протяжении длительного времени их представители играли и продолжают играть свою роль в жизни российского общества. В первой трети XX столетия во многих городах Европейской России, прежде всего крупных, а также расположенных на линиях железных дорог, появились весьма небольшие, но при этом интересные диаспоры ассирийцев, иногда упоминаемых в литературе и разговорной речи под этнонимом «айсоры». Они представляли большей частью волну беженцев-христиан, происшедших с юго-востока нынешней Турции, южной части Ванского вилайета, спасавшихся от чудовищной резни, развязанной в годы Первой Мировой войны. Формирование диаспор происходило большей частью в 1920 – 1930-х гг. – семьи беженцев, в период между переходом российской границы и окончательным оседанием в том или ином городе, в большинстве случаев сменяли по несколько мест жительства, переезжая в поисках более приемлемого места, из региона в регион. Поскольку властями беженцам было навязано весьма специфическое занятие – чистка обуви – не одно десятилетие ассирийцы являлись частью городского колорита, работая на «стоянках» (термин из профессионального жаргона) на городских улицах, площадях, рынках, торгуя сопутствующим товаром (шнурки, стельки и т. п.). Несмотря на то, что ассирийцы играли весьма интересную роль в городской культуре России, а также и то, что немало представителей этого народа, разумеется, отметились как яркие представители местной науки, культуры, спорта, на производстве и т. п., прежде этот народ почти не привлекал внимание историков и этнологов, за исключением редких представителей самого рассматриваемого этноса.

Результаты и обсуждение

В этом повествовании мы хотели бы коснуться problem изучения диаспоры, которая сформировалась в Рязанской области, прежде всего в самом областном центре, а также еще нескольких городах. Сразу отметим, что, когда речь заходит об городских сообществах рассматриваемого народа, то мы видим не привычные нам диаспоры в десятки или сотни семей, а о маленьких группах, численность которых редко где превышала десяток семей, а то и ограничивалась одним ассирийским семейством, остававшимся в том или ином городе после выезда из него остальных соплеменников (изначально беженцы старались селиться пусть и небольшими, но группами). Тем не менее для выяснения общей картины данной диаспоры, мы стараемся учитывать и самые маленькие прецеденты поселения ассирийских семей, тем более что и они являются неотъемлемой частью большой схемы расселения локальных племенных и сельских сообществ этого народа. В небольших городах, где жило по одной-две-три семьи ассирийцев, часто можно зафиксировать много ценных сведений историко-этнографического характера.

К сожалению, такая интереснейшая диаспора, ставшая, несмотря на свою крайне маленькую численность, частью городской бытовой культуры XX столетия, в России почти не исследована. В наше время лучшим знатоком истории ассирийцев на территории бывшего СССР является представитель этого народа, заведующий библиотекой Санкт-Петербургской Духовной Академии, архимандрит Стефан (Садо). Он продолжает исследовательскую работу, начатую еще его отцом, Михаилом Юхановичем Садо (1934–2010), известным лингвистом, семитологом, общественным деятелем, является автором ряда книг, ставших уже классическими для всех, кто интересуется ассирийской темой. Одна из них – «Мартиролог ассирийцев СССР», вышедшая в 2017 г., в которой собраны сведения о всех соплеменниках, пострадавших в СССР в ходе репрессивной политики [2]. Однако для нас главным источником получения информации по изучению истории и культуры ассирийских диаспор российских городов, включая и интересующую нас Рязань, является поле, т.е. воспоминания самих членов диаспор, а также тех, кто так или иначе с ними соприкасался. Посвященную ассирийцам городов Европейской России, за исключением материалов, опубликованных автором, можем назвать лишь общую статью К.П. Матвеева, в которой, однако, нет ни единого упоминания про Рязань и другие города Рязанской области [1, с.46–55].

На территории Рязанского региона, как мы видим из материалов, выявленных о. Стефаном (Садо), в 1938 г. было репрессировано всего два этнических ассирийца – О. Давид в Касимове, и Ю. Сулейманов в Михайлове. В связи с этим мы лишены такого источника, как следственные дела, в которых отражалась важная информация о периоде проживания фигурантов на территории нашей страны после пересечения границы в 1915–1917 гг., адреса, члены семей и т. п. К вопросу о том, почему ассирийцы Рязани смогли избежать маховика политических репрессий 1938 г., у нас пока нет информации, как таковой счастливый прецедент мог произойти. Семьи ассирийцев, имевших на тот момент иранское гражданство, жили в соседних кварталах от здания областного НКВД – последнее находилось на ул. Ленина, д. №№46 и 48, а представители рассматриваемого нами этнического сообщества жили на ул. Революции (сейчас снова Соборная), в домах №№2, 10, 12, 26, а также в доме 58 по ул. Подбельского (ныне снова – Почтовая). Вблизи здания спецслужб находилось три стоянки чистильщиков обуви, причем одна из них, самая известная в городе, стояла буквально под окнами сотрудников, на противоположной стороне ул. Ленина. Возможно, у областного НКВД было немало иных «претендентов» за роль «врагов народа» и до ассирийцев просто не дошла очередь, возможно, существовала какая-то другая, ныне неизвестная нам причина.

В Рязани, равно как и в большинстве других городов Центральной России, где автор проводит исследование истории и культуры ассирийских общин, старожилы весьма слабо помнят ассирийцев и их стоянки «Чистка обуви». Исключение представляют люди, кто жил или работал рядом с ассирийцами. Остальные, в лучшем случае, помнят только о каких-то абстрактных «армяшках», трудившихся на нескольких подобных местах, каковые существовали в Рязани в послевоенные

десятилетия. Причисление представителей интересующего нас народа к армянам характерно не только для этого областного центра, но и для Москвы и большинства других городов. Значительно реже этнических ассирийцев могли принимать за греков (Тверь, Серпухов), грузин (Муром). Также рязанцы часто принимали ассирийцев за цыган. К сожалению, большинство горожан мало обращало внимание на стоявшие в городе палатки (на более раннем этапе – стационарные «шкафы», а еще раньше – просто приносимые на рабочее место ящики для чистки), в которых работали ассирийцы. Специфика русских провинциальных городов – большинство горожан не имели особой культуры в плане ухода за обувью, не так часто покупали шнурки, стельки и пр. товар, реализуемый на стоянках, поэтому фиксировать воспоминания о них достаточно сложно. К тому же российский горожанин XX века, из числа представителей титульной русской нации – человек достаточно нелюбопытный, в отличие от тех же выходцев с Востока, которые в советский период достаточно хорошо знали и другие диаспоры своего города. К тому же сейчас, в конце первой четверти XXI в., осталось мало очевидцев, кто мог бы что-то рассказать. Главным источником сведений по исследуемому объекту остаются немногочисленные ныне потомки самих ассирийских семей, коих также остается мало – многие переехали в Москву и другие города.

При изучении локальных ассирийских сообществ, сформировавшихся в 1920–1930-х гг., учитывая предыдущую историю и специфику ассирийского народа, подразделявшегося к началу XX в. на два десятка субэтносов (племен), весьма важно выявлять и составляющую диаспор, т.е. представители каких племенных и сельских групп их создали. Касательно Рязани, это большей частью выходцы из независимой («аширетной») области Джилу (племя джильвая), маликства Джилу Горта (Большая Джилу), из сел Алсан (локальная группа аласная), Зирини (зерная), Миди (медная). Помимо джильвая, в городе проживало какое-то число семей выходцев из также аширетной области-маликства Диз (дизная), однако, поскольку сейчас уже в городе не осталось их потомков, никто не может назвать из какого именно села (сел-?) они происходят. По косвенным сведениям, это могут быть уроженцы из села Мадис (мадесная), которых также было много в Москве, равно как и дизная ряда других сельских групп. Нам также известно о семьях выходцев из еще одного аширетного независимого маликства – Тхума (племя тхумная), – из которого в России оказалось достаточно небольшое число семейств беженцев, а также выходцев из небольшого селения Швава, жители которого составляли небольшую группу шаветная. В последнем случае нам даже известно и название рода-отца, к которому относилась семья – Би-Сулу. Рязанские тхумная, судя по тому, что мы знаем об их соплеменниках в соседних Москве, Туле, а также в Грузии, скорее всего были выходцами из села Мязря (группа мазерная). Возможно, прежде всего на раннем этапе истории диаспоры, в городе жили выходцы из других групп, о которых уже ничего не знают нынешние ассирийцы-старожилы.

Конечно же, важным элементом истории и культуры городского этнического сообщества является место последнего упокоения его членов, а именно кладбище.

Именно на него мы хотели бы обратить особое внимание в этом повествовании, благо его изучение немало помогает в изучении диаспоры в целом. Некрополь рязанских ассирийцев, семьи которых обосновались в городе в 1920–1930-х гг., появился на двух сохранившихся доньне старинных городских кладбищах – Скорбященском (существует с 1784 г.) и Лазаревском (основано в 1774 г.). На последнем хоронили преимущественно выходцы из села Зирини, члены семей Биткаш, Миди, Варда. Погребения здесь производились до того момента, как в 1968 г. Лазаревское было официально закрыто и там стало невозможным подзахоранивать усопших даже в родственные могилы. К сожалению, сейчас уже никто не сможет нам сказать, какова была причина, что рязанские зерная стали хоронить не там, где возник некрополь соплеменников, включая и выходцев из того же маликства Джилу Горта, т.е. на Скорбященском, о котором мы подробнее поговорим чуть ниже, а выбрали другое кладбище. Мы можем здесь предположить, что указанные семьи этой локальной группы прибыли в город к уже проживавшим здесь односельчанами, которые вскоре покинули Рязань, и хоронили там, где уже были их могилы. В настоящее время память об этих ранних рязанских ассирийцах утрачена старожилами и рассказать об этой странице истории некому. Одним из косвенных подтверждений этому может быть тот момент, что семьи Миди, Биткаш проживали в самом центре города, напротив рязанского кремля, в самом первом доме (№2) по ул. Соборной (Революции). В 1930-х гг., когда указанные семейства прибыли в город, Рязань была переполнена и найти угол, не имея родственников или знакомых, уже обосновавшихся здесь, можно было разве что на окраине. Миди и Биткаш могли поселиться в доме, где жили односельчане, которые переехали сюда в 1918 – начале 1920-х гг., а, возможно, обосновались в Рязани еще до 1914 г. К сожалению, информации об этом мы уже не найдем в архивах, а старожилов, которых нам удалось опросить, ничего про это не знают. Единственное, что сохранила историческая память семьи Миди, это то, что ее представители прибыли в интересующий нас город, поскольку знали, что здесь живут соплеменники. Однако, к 1930-м гг. соплеменники – беженцы проживали в достаточно большом количестве городов, речь здесь идет о соплеменниках-односельчанах, которые в силу того, что выходцев из Зирини оказалось в России не так уж много, могли принять и помочь и размещением.

На Скорбященском кладбище погребения ассирийцев нами обнаружены в двух местах. Одно из них – на стыке территорий исторического городского православного некрополя и Старообрядческого кладбища. Это место компактного погребения представителей группы зерная, где они стали хоронить своих усопших после закрытия для погребения Лазаревского кладбища. Здесь мы видим могилу с памятником, под которым покоятся Мельхиседек Михайлович Биткаш (1925–1972), Амнувел Михайлович Миди (1902–1984) и Мария Даниловна Миди (урожденная Биткаш, 1911–1981), могилу отца и сына Варда: Семена Мироновича (1891–1972) и Владимира Семеновича (1932–1999). Рядом с Варда, уже фактически на территории Старообрядческого кладбища, находится могила Владимира Юхановича Георгизова (1918–1988). По словам информантов, последний по

материнской линии был родственником семьи Биткаш. Еще один член семьи Варда, Зиновий Семенович, лежит чуть поодаль от отца и брата, в ряду захоронений известных горожан, на границе Старообрядческого и Ленинградского кладбищ.

Другой «куст» семейных могил рязанских ассирийцев расположен вблизи православного храма (в советское время не закрывался), на 8, 9 и 10 участках. Здесь хоронить начали сразу по мере ухода из жизни беженцев, переселившихся в Рязань. Судя по всему, эта часть национального некрополя возникла в 1920-х гг., когда престижные места у храма, где ранее хоронили рязанские дворяне, купцы – представители городской зажиточной и высокопоставленной верхушки, оказались бесхозными и их получали обычные жители города. Первые две обнаруженные нами ассирийские могилы, находящиеся метрах в тридцати от храма, достаточно хорошо видно с основной аллеи нынешнего Скорбященского храма. Одна из них с одним погребением (возможно, здесь лежат и другие члены семьи, памятники которых не сохранились) – Херро Юнан Ишо (1884–1953). Рядом с Х. Ишо, под одним памятником, похоронены Варда Денхаевич Шуман (1880–1953), его сын, Владимир Вардаевич Шуман (1928–1965), а также Владимир Сергеевич Аизов (1929–1990). Нынешние рязанские ассирийцы-старожилы ничего не помнят об этом семействе. Фамилия «Аизовы», которая, скорее всего, является искаженной от «Азизовы», которая также встречается у ассирийцев нашей страны, более не встречается. Судя по запущенному состоянию захоронения, более молодые поколения семьи давно покинули город. Нам известно, что фамилия «Шуман» также встречается в диаспоре ассирийцев соседнего областного центра Тула, возможно, что ее рязанские носители являются одной из ветвей этого семейства и также принадлежат к выходцам из области Джилу, из с. Алсан (аласная).

В глубине участка, метрах в 8–10 от Ишо и Шуман, мы видим могилу членов семьи Херб и могилу Юлии Михайловны Аванесян (1929–2017). На могиле Херб стоит один памятник, на коем выбиты имена трех человек, а именно матери и двух ее сыновей: Сарра Ихс Херб (1884–1871), Михаил Юханнович Херб (1925–1944) и Яков Юнанович Херб (1922–1957). На деле же под памятником лежат всего двое – в третьем случае мы имеем дело с кенотафом М.Ю. Херба, который погиб в годы войны в Прибалтике и настоящее захоронение которого находится именно там. Семья Херб по племennому происхождению является ассирийцами-дизная (область-маликство Диз), однако, мы пока не знаем из какого именно селения, а, следовательно, и локальной группы. В настоящее время в Рязани не осталось членов этого семейства, а соплеменники из других групп данной информацией не располагают. Ю.М. Аванесян погребена в одной ограде с Херб, под отдельным памятником. По словам старожилов, она по происхождению связана с ними, а свою фамилию получила уже в замужестве. Касательно армянской фамилии «Аванесян», которая, судя по всему, появилась в документах при пересечении российской границы, в 1915–1916 гг. Семья же, как мы знаем и от ассирийцев-старожилов, и от знавших семью других рязанцев, являлась чисто ассирийской. Аванесян происходили из небольшого селения Швава, в южной части Ванского вилайета, неда-

леко от области Гявар. Жители этого села считались самостоятельной группой и были известны в ассирийской среде под названием «шаветная». От московских представителей этого маленького сообщества, мы знаем, что в Рязани обосновалась только одна семья шаветная, которая относилась к роду-отжам Би-Сулу. По сведениям, которые сообщил автору архимандрит Стефан (Садо), в документах 1920-х гг. старшее поколение Аванесян писалось в варианте «Аванесовы». Ю. Аванесян погребена рядом с членами семьи Херб по причине родственных отношений с ними. О месте погребения старших поколений Аванесян мы скажем чуть ниже.

Далее, в глубине, на небольшом пригорочке, мы видим могилы членов семьи Аванесян. Здесь, в одной ограде, мы видели два памятника, один из которых стоит на захоронении старшего поколения семьи, супругов Абрама Иосифовича (1871–1960) и Шуша Сулеймановны (1882–1975), а второй – сына Андрея Абрамовича (1920–1999). В нескольких метрах от них, с железными оградой и крестом, сохранилась могила 1950-х гг., которая в марте 2020 г., когда автор производил осмотр, была достаточно запущенной. На кресте была табличка: «Елена жена Якуба Давида, род 1880 г. в г. Урмий, скончалась г. Рязани 1959 г.». В данном случае мы видим на данный момент эксклюзивное для Рязани и крайне редкое для русского провинциального города упоминание о месте рождения погребенной представительницы ассирийского этноса. Единственный известный нам некрополь, на котором могил с указанием родных сел беженцев, а также областей и даже в некоторых случаях родов-отжам, это московское Ваганьковское кладбище, на котором (участки 3 и 6) расположен некрополь племен джильвая и куная. В большинстве других случаев ассирийские могилы мы можем, если, конечно, нам кто-то целенаправленно не указал на них, можно отличить характерными именами, отчествами и фамилиями. На некоторых современных памятниках также можно увидеть ассирийскую символику (изображение флага, «нехристианской» формы креста, молитвы традиционным письмом и т. п.). В данном случае упоминание о месте рождения интересно тем, что заказавшие крест и табличку родственники поместили на ней не фактическое место рождения усопшей – семья Давид, как мы знаем, происходила из области Джилу, в Турции, – а то, что было указано в паспорте. Когда беженцы-ассирийцы уходили от геноцида через территорию северо-западной Персии, власти последней, испокон веков претендовавшие на сопредельные турецкие земли, решили воспользоваться ситуацией и щедро раздали происходившим из них христианами свое гражданство. Для получения паспорта надо было указать какое-то мнимое место рождения в данной стране. Беженцы чаще всего называли город Урмия, как наиболее известное место проживания иранских соплеменников. Как мы видим по тексту таблички, потомки даже воспроизвели название города с ошибкой, назвав его «Урмий» вместо «Урмия». Подобные ошибки весьма часто встречаются на ассирийских некрополях, на памятниках того времени и более раннего периода – названия писались на слух, со слов старших родственников, которые зачастую еще весьма слабо владели русским языком.

Рядом с этой могилой, а также соседним захоронением Аванесян, есть несколько заброшенных захороне-

ний с простыми железными крестами (один безымянный старый крест стоит в ограде Аванесян), на которых не осталось ни табличек, ни иных надписей. Возможно, часть этих захоронений может также принадлежать ассирийцам – сейчас уже никто не может что-то проследить. По поводу Елены и ее семьи, мы знаем, что в 1920–1930-х гг. в Рязани проживали члены семейства Давид, выходцы из с. Алсан, в Джилю, из которой происходил и касимовский ассириец Осиф Давид, к сведению, до 1932 г. проживавший в рассматриваемом городе. Мы полагаем, что могила вышеупомянутой «Елены жены Якуба Давида» – единственное сохранившееся захоронение некрополя этого семейства, который мог насчитывать как минимум несколько могил, включая могилу самого Якуба, отца Осифа Давида – Давида, умершего в Рязани в самом начале 1930-х, а также его дяди – Давида Ивановича Бит [2, с. 266].

Несколько особняком расположена могила Лидии Ефимовны Бит-Юхан (1906–1981), находящаяся на 8 участке. Рядом с ней нет других ассирийских захоронений, и никто из нынешних рязанских ассирийских старожилов ничего не может сказать ни об этой женщине, ни об этой, однозначно ассирийской, фамилии в городе. На могиле стоит памятник, поставленный, как свидетельствует надпись-посвящение, от детей и внуков, однако, в 2019–2020 гг., когда автор бывал здесь, захоронение выглядело запущенным. Скорее всего, члены семьи давно покинули Рязань. Фамилия «Бит-Юхан» нам известна у ассирийцев нескольких групп, в том числе и представленных в рассматриваемом городе. В Егорьевске (до мая 1922 г. входил в состав Рязанской губернии) с 1930-х гг. проживает семья Бит-Юхан, представители племени шпатная, выходцы из селения Дарбанд, района Тергевер на границе Турции и Ирана. Ветви этого клана также живут в Ногинске, Электростали и Коломне. В Москве семьи с такой фамилией есть в сообществах джилвая, выходцев из с. Алсан, а также дизная. В последнем случае мы видим выходцев из селения Курис (локальная группа курисная), причем ее глава до ареста в 1938-м работал чистильщиком обуви на стоянке у Наркомата Путей Сообщения, что у Красных ворот, недалеко от Казанского вокзала, откуда, как мы знаем, идут поезда в сторону Рязани [2, с. 204]. Нам известно, что семья Бит-Юхан, выходцы из иранской Урмии (селение Ардишай), по крайней мере до репрессий 1938 г. жила в Москве [2, с. 205]. В Рязани могли появиться выходцы из любой из этих групп, точная информация о происхождении семьи и ее рязанской истории может быть получена только от потомков или родственников, которых пока выявить не удалось. Егорьевские Бит-Юханы о том, чтобы кто-то из их клана жил в Рязани, не знают ничего.

Из визуального осмотра Скорбященского некрополя, бесед с ассирийцами-старожилами, которых, к настоящему времени в Рязани остались лишь единицы, сопоставление информации с другими сведениями, обнаруженными по рязанской ассирийской теме, мы можем сделать вывод, что то, что мы видим к 2020 г., является лишь остатками прежнего относительно большого места погребения диаспоры. Здесь выглядит достаточно ухоженным самый новый по времени появления участок – некрополь семей джилвая из с. Зирини, которые стали погребать здесь всего полвека назад. Остальные

«кусты» могил большей частью не ухожены и даже заброшены, за исключением участка Херб – Ю.М. Аванесян.

Далее мы хотели бы немного коснуться некрополя на Лазаревском кладбище. Оно также относится к старейшим сохранившимся некрополям Рязани, было устроено еще в 1770-х гг. Здесь не хоронят с 1968 г., территория сохраняется, однако, находится в сильно запущенном состоянии, хотя вокруг устроена новая ограда. На этом некрополе нам к настоящему моменту известно несколько ассирийских захоронений. Здесь прежде всего следует назвать двух старших представителей семьи Биткаш – Даниила и Марьям Беньяминовны (урожденной Георгиевой). Из семьи Варда здесь погребена Ульяна (Гузу) Мирзаевна (1896–1956), а также ее сын Миру Самму (1924–1940). Здесь же, на Лазаревском, похоронен представитель семейства Ивановых, выходцев из с. Миди, также в области Джилю Горта, которого информанты называли по-ассирийски д'Жендо д'Бе-Мамму (1878–1956). С данным некрополем мы еще намерены поработать далее, возможно старожилы смогут показать еще места каких-то погребений, прежде всего семей, которые давно покинули город. Мы не смогли обнаружить на Скорбященском кладбище мест погребения Ивановых, умерших позже 1968 г., которым принадлежала самая известная в городе стоянка, располагавшаяся на углу улиц Ленина и Подбельского. Ее представители к настоящему моменту уже выехали из Рязани, однако, еще в 1990-х гг. они жили в городе, и один из Ивановых работал в обувной палатке на Центральном рынке, другой, его сын, зарабатывавший частным извозом, оказавшись не в том месте не в то время, погиб во время криминальных разборок. По словам информантов – представителей других ассирийских семей, Ивановы были по своему происхождению джилвая, выходцами из села Миди (медная).

Далее мы немного поговорим о других городах рязанской области, в которых известны ассирийцы – представители волны беженцев Первой Мировой войны. В Касимове нам известна одна ассирийская семья, вернее, смешанная, ассирийско-русская, по фамилии Давид. Ее глава – Осиф (Иосиф) сын Давида Давид, 1904 г.р., – перебрался в рассматриваемый город только в мае 1932 г., а до этого проживал в Рязани. О нем мы знаем по материалам о. Стефана (Садо), поскольку Давид был арестован в 1938 г. и в 1943-м умер в лагерях [2, с. 266]. Его семья (русская супруга и четверо детей) оставалась жить в Касимове. Нам удалось пообщаться с некоторыми потомками, от которых была зафиксирована сохранявшаяся по состоянию на 2017 г. историческая память семьи. Из новых находок архимандрита Стефана (Садо) нам известно, что в Касимове в 1937 г. умер брат Осифа, т. е. семья не была единственной в городе (информация предоставлена автору о. Стефаном в 2019 г.). Но современные потомки семьи Давид ни о каких иных родственниках, живших в этом месте, ничего не знают.

По информации, обнаруженной архимандритом Стефаном (Садо) уже после выхода «Мартиролога...» один ассириец, Юнан Сулейманов, 1874 г.р., был в 1938 г. репрессирован в городе Михайлов. О нем известно, что в указанном городе он поселился только в 1936 г., перебравшись из Москвы. В составе семьи,

в следственном деле, указана только 60-летняя супруга Ханна Адеса (информация предоставлена автору О. Стефаном в 2019 г.). Жили ли здесь еще какие-то ассирийские семьи, нам выяснить не удалось. Однако, мы полагаем, что пожилой Сулейманов приехал в город, где явно проживали какие-то родственники. Племенное происхождение этого человека нам не известно, однако, учитывая расположение города Михайлов на железнодорожной линии между городами Кашира. Мичуринск (до 1932 г. – Козлов), вблизи Рязани и Тулы, где нам прежде всего известны выходцы из области Джилу, мы предполагаем, что и здесь жили ассирийцы-джильва, предположительно из сел Алсан и Зирини. Не исключено также, что крошечная михайловская диаспора была создана и при участии представителей других групп.

Еще одним рязанским городом, в котором нам известна ассирийская диаспора, является Ряжск, также стоящий на линии железной дороги. Ассирийцам Ряжска, также, как и рязанским городским соплеменникам, удалось избежать репрессий 1938 г., в связи с чем мы не имеем под рукой информации из следственных дел, которая могла бы во многом помочь узнать историю местных семей. От директора ряжского краеведческого музея, Галины Васильевны Колосовой (информация 2017 г.) мы знаем, что в 1950-х гг. в городе оставалась только одна семья ассирийцев, которая проживала в центре города, на Комсомольской ул. д. 11 (не сохранился). Русские знакомые и соседи не смогли вспомнить фамилию, однако хорошо знали членов семейства по именам. С ассирийцами русское окружение находилось в весьма хороших отношениях. Глава семейства, Авдо, работал чистильщиком обуви на соседнем рынке. По другим каналам, прежде всего ассирийским, фамилия семьи нам хорошо известна – Бит-Мурад, это также выходцы из с. Алсан. На более раннем этапе, например, еще в 1930-х гг., ассирийских семей в городе было больше. В следственном деле касимовского ассирийца О. Давида упоминается его дядя, названный в следственном деле «Георгий Михаил», живший в Ряжске [2, с. 266].

Последние ряжские ассирийцы, вышеупомянутая семья Бит-Мурад, переехали в Казань в 1960 г. (по некоторым сведениям, одна из родственниц еще несколько лет оставалась в городе). Автор в начале 2020 г. беседовал в Казани с их потомками, однако, они уже ничего не могли сказать об интересующем нас периоде. К сожалению, семейный архив сгорел во время пожара старого дома в Васильево. В Ряжск никто из Бит-Мурад более не приезжал, сохранялись ли на местном кладбище ассирийские могилы, не известно. Представитель семейства – Харибо Бит-Мурад, – родившийся уже после переезда, в 1960 г., смог дать какие-то отрывочные сведения, например, сообщил названия субэтнических групп «ханасная» и «марбушная», которые, как мы полагаем, на раннем этапе проживали в городе вместе с аласная, или же находились в родстве с местными семьями ассирийцев из Алсана. Ряжского адреса, а также других подробностей информант не знал. К сожалению, сейчас Х. Бит-Мурад является последним старожилом из бывшего ряжского семейства, поскольку его старший брат вскоре после приезда в Казань погиб во время грозы, две сестры-инвалида (горбуньи) к настоящему времени уже умерли. Давно нет и старшей сестры, которая в свое время вышла замуж в Тверь (в то

время – Калинин). Других потомков ряжских ассирийцев, прежде всего семей, которые могли жить здесь в 1920–1930-х гг., нами не выявлено. Таким образом, эта страница ассирийской истории Рязанского региона навсегда закрыта для нас.

Выводы

На данный момент нами выявлен и описан такой важный элемент рязанской ассирийской истории, как некрополь, расположенный на двух городских кладбищах. Поскольку, с течением времени этот важнейший элемент истории и жизни рассматриваемого сообщества постепенно меняется – исчезают старые, заброшенные захоронения, в действующие погребаются новые усопшие члены семейств, вследствие чего часто ставятся новые надгробия, которые не всегда несут на себе информацию о более ранних захоронениях членов семей и т. п. – фиксация его состояния на настоящий момент может помочь будущим исследователям быта и истории рязанских ассирийцев. Кроме этого, изучение локальной темы рязанских ассирийцев раскрывает историю и культуру представителей данной диаспоры в Российской Федерации в целом. Собранный нами материал в ходе исследования Рязанского ассирийского некрополя пополнил научные сведения о многонациональном мире городов России в целом, о месте в нем того или иного народа. Научно-практическая значимость исследования обусловлена тем, что оно охватывает ряд малоизученных фактов расселения рязанских ассирийцев на этапе формирования их общины в России, в первой трети XX столетия и создает условия для комплексного исследования поставленной проблемы в межрегиональном контексте. Полученные в ходе исследования конкретные данные, выводы и наблюдения могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории и культуре Европейской части России XX века, в воспитании гражданственности и формировании этнокультурной компетентности современных школьников и студентов.

Работа по сбору полевого материала, касающегося истории и места в городской культуре ассирийцев Рязанского региона, продолжается. Необходимо рассмотреть роль геоклиматических и социально-политических факторов, которые оказывали воздействие не только на сознание, образ жизни, профессиональную ориентацию ассирийцев, но и определяли их социальную дифференциацию и обусловили появление новых черт в нравах, семейных традициях и быту отдельных людей и в целом общины ассирийцев в России. В наших планах расширение источниковой базы исследования, а именно: анализ законодательных актов конца XIX и начала XX вв., середины XX в., в которых нашли отражение попытки регламентации быта и общественной жизни ассирийской диаспоры; использование фондов различных архивохранилищ с целью выявления мемуаров, дневников, писем, заметок и пр., касающихся различных сторон жизни ассирийцев в России. К сожалению, мы уже ничего нового не сможем выяснить про диаспору Касимова и Ряжска, где от потомков удалось зафиксировать все, что оставалось в семейной исторической памяти. Возможно, в ходе полевых изысканий в других городах удастся обнаружить родственников михайловского Ю. Сулейманова, а также иных ассирий-

цев – жителей города, которые что-то смогут сообщить про ассирийское сообщество этого места. Основным направлением поиска ныне является сама Рязань, где еще сохраняются остатки диаспоры и есть люди, которые могут сообщить немало важного. В результате бе-

сед со старожилами, изучения документов и архивных источников постепенно выявляется новый материал, который, как мы надеемся, в дальнейшем может стать основой для будущих публикаций.

Список литературы

1. Матвеев (Бар-Маттай) К.П. Ассирийцы в городах Европейской части СССР. Малые и дисперстные этнические группы в Европейской части СССР / К.П. Матвеев (Бар-Маттай). – М., 1985. – С.46–55.
2. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы) / С. Садо. – СПб., 2017. – 744 с.

References

1. Matveev (Bar-Mattai), K.P. (1985). Assiriitsy v gorodakh Evropeiskoi chasti SSSR. Malye i disperstnye etnicheskie gruppy v Evropeiskoi chasti SSSR., 46. M.
2. Sado, S. (2017). Martirolog assiriitsev SSSR (1920-1950-e gody), 744. SPb.

Информация об авторе

Михайлов Сергей Сергеевич – научный сотрудник, Музей истории и культуры старообрядчества, Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey S. Mikhailov – research scientist of Museum of the History and Culture of the Old Believers, Moscow, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 06.02.2021

Принята к публикации / Accepted 11.03.2021

Опубликована / Published 12.03.2021